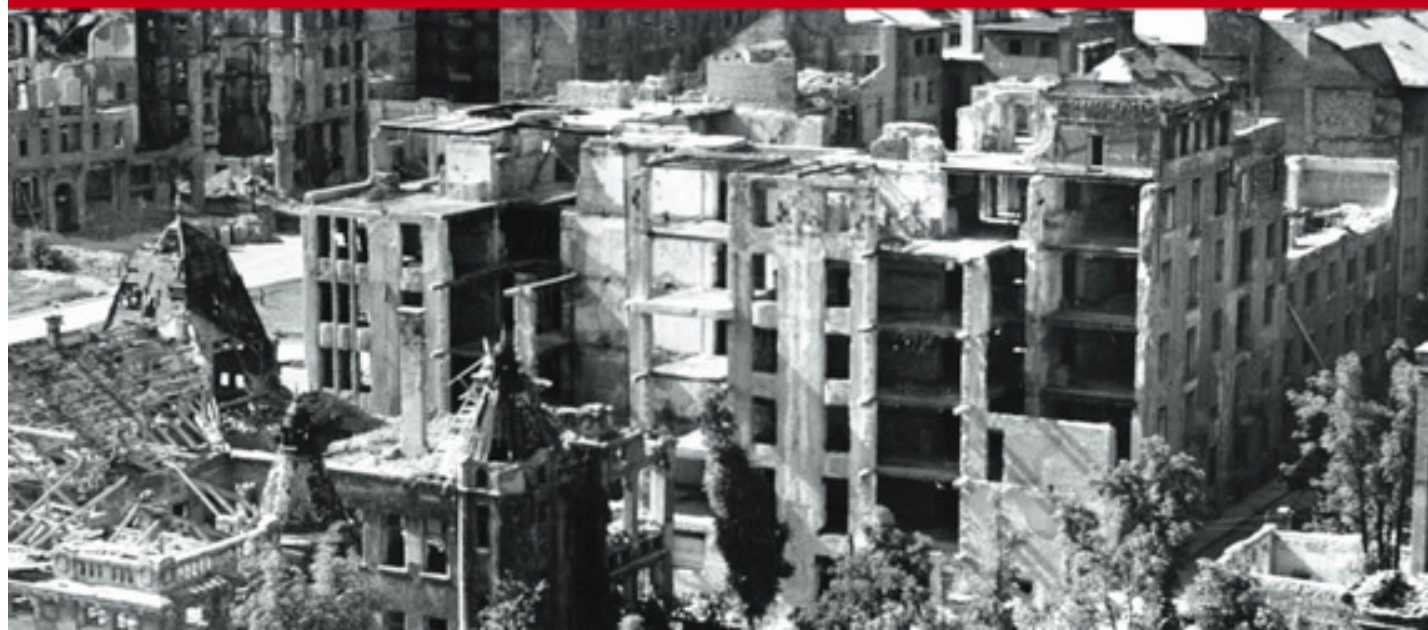

КРИСТИАН УНГВАРИ

ОСАДА

БУДАПЕШТА

100 дней
Второй
мировой
войны

Кристиан Унгвари

**Осада Будапешта. 100 дней
Второй мировой войны**

«Центрполиграф»

2013

Унгвари К.

Осада Будапешта. 100 дней Второй мировой войны /
К. Унгвари — «Центрполиграф», 2013

Книга Кристиана Унгвари, признанного специалиста по истории Второй мировой войны, представляет собой детальное, хронологически точное описание боевых действий и перемещений подразделений противников во время осады Будапешта. На основе архивных материалов, включая журналы боевых действий, письма и воспоминания участников тех сражений, автор реконструировал события, произошедшие в эти дни в венгерской столице. Книга снабжена подробными картами и таблицами, отражающими дислокацию войск противников, а также число погибших в результате осады.

Содержание

Предисловие	6
Пролог	13
Глава 1	15
ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ ОСЕНЬЮ 1944 Г.	15
ПРОДОЛЖЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ СИЛАМИ 2-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА	25
ВТОРОЕ СОВЕТСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА БУДАПЕШТ: ЭРЧИ И ХАТВАН	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кристиан Унгвари

Осада Будапешта. 100 дней

Второй мировой войны

Предисловие

Значение работы Кристиана Унгвари является по крайней мере двойным. Во-первых, она не знает себе равных с точки зрения военной истории. Ни одно из вполне грамотно составленных описаний военных историков битв под Сталинградом, в Варшаве или Берлине не может даже близко похвастать столь же подробно приведенными деталями и живыми реконструкциями того, где, когда и как перемещались и вели бои отдельные подразделения. Военным историкам следует изучать данный труд глазами ювелиров. То же можно сказать и о жителях Будапешта и том ничтожном количестве людей среди них, кому довелось стать свидетелями осады города 60 лет назад (так поступил и я, историк, обнаруживший в этой великолепной реконструкции множество деталей, неизвестных мне ранее).

Вторая заслуга Кристиана Унгвари, возможно, еще более весомая. Данный труд является не только типичным примером работы военного историка. Он представляет собой реконструкцию тех ужасных и горьких (а иногда и героических) событий с гражданской и политической точек зрения и сопровождается подробнейшим графическим материалом. Перед нами встает драматическая картина осады крупной столицы, в которую невольно оказались втянутыми до одного миллиона местных жителей, умы и само существование которых оказались во власти жесточайшей гражданской войны, то есть для которых осада явилась войной во время войны. И поэтому не только протяженность во времени и сложность тех ужасных (да-да, полных ужаса, трудно подобрать лучшее определение) драматических событий не знают себе равных, в том смысле, что они являются выдающимися даже на фоне всей истории Второй мировой войны.

Эта история с ее множеством сложностей ставит читателя перед расстоянием в тысячи километров и давностью времен, за которые сменилось как минимум два поколения. Поэтому я взялся за написание предисловия к данному научному труду. На сложности предмета исследований я намерен остановиться подробнее.

Один из психологических факторов остается действующим даже в наше время. Возникла любопытная ситуация, которая, насколько мне известно, до сих пор не только не анализировалась, но и совсем не рассматривалась психоисториками. Речь идет о явном нежелании многих гражданских людей говорить о своем ужасном, унижительном опыте времен войны. (Недавно исследования данного феномена провел прекрасный немецкий ученый В. Себальд. Его поразило то, как мало немецких мужчин и женщин говорят о страданиях, причиненных им воздушными рейдами. Это странно, так как им, как и нам, известно о все более нараставшем масштабе бомбардировок немецких городов. Там же рассмотрена довольно распространенная тенденция немцев жалеть себя. Особенно характерным это стало после военного разгрома.) То же психологическое состояние, пусть и не полностью, но в значительной степени, можно отнести и к участникам событий в Будапеште и во всей Венгрии в 1944 и 1945 гг., когда к прочим пережитым мирным населением ужасам войны прибавились деяния советских солдат, изнасиловавших тысячи женщин. Нежелание говорить и пробелы в памяти, возможно, иногда можно объяснить стыдом или страхом. Но в случае с Будапештом, помимо всего этого, было и остается что-то еще. По многим причинам, и не только политическим или психологическим, многие венгры не могли или не хотели заново возвращаться мыслями к той трагической странице в истории своей страны и своего народа в 1944–1945 гг. И это в городе, где на немногих

специально оставленных развалинах и многочисленных зданиях до сих пор сохраняются следы артиллерийского огня, ясно различимые и в наши дни.

Теперь я хотел бы коротко остановиться на обстановке в Венгрии в 1944 г. и последующих днях. Венгры – народ, практически (пусть и не полностью) независимый последние несколько десятков лет существования двойной Австро-Венгерской монархии. После Первой мировой войны по многим причинам, скорее несправедливым, чем правильным, западные державы и их новые «союзники», такие как Чехословакия, Румыния, Югославия, под предлогом сомнительного принципа «национального самоопределения» решили сильно ослабить исторически сложившееся государство Венгрия. По условиям Трианонского договора 1920 г. страна потеряла две трети своей территории, в результате чего более трех миллионов венгров оказались за пределами своего государства. Трианон больнее ударил по Венгрии, чем Версаль по Германии. Все это произошло вскоре после революции в Венгрии в 1918 г., которая в марте 1919 г. вылилась в короткое (до 1 августа) правление режима коммунистов, за которым последовала контрреволюция националистов. Под знаком всех этих трагических событий, революции, поражения и расчленения страны осуществлялась политическая деятельность Венгрии в последующие двадцать лет. Венгрия все еще была «королевством», но лишь номинально. Главой государства был адмирал Миклош Хорти, имевший полномочия регента. За 1920-е гг. Венгрия в какой-то степени восстановилась. В 1930-х гг. снова возник германский рейх под руководством Гитлера, он быстро стал доминирующей державой в Европе, отменяя и разрывая одно за другим положения Версальского договора. Неудивительно то, что в то время в Венгрии многие восхищались Третьим рейхом, в особенности это было характерно для представителей офицерства. Но сам Гитлер не испытывал по отношению к Венгрии особой симпатии. Настроение офицерства объяснялось в основном почти неизбежным союзом Венгрии и Германии, а также тем, что стране с 1938 по 1941 г. удалось вернуть часть ранее утраченных земель.

Но после этого единственным путем Венгрии стало участие в приближавшейся Второй мировой войне. После того как в марте 1938 г. Гитлер аннексировал Австрию, гигантский Третий рейх стал непосредственным соседом Венгрии. Постепенно становилось очевидным (или, по крайней мере, так должно было быть), что главной проблемой Венгерского государства больше не было возвращение потерянных территорий. Речь шла, в той или иной степени, о государственном суверенитете. Но это осталось не замеченным и не признанным ни большинством представителей правящей верхушки, ни большинством населения страны, ни в особенности военными. Последние единодушно стремились подчинить себя и свою страну политической стратегии Германии Адольфа Гитлера (в том числе и потому, что искренне верили в ее непобедимость). Были приняты антиеврейские законы (о чем будет сказано ниже). В ноябре 1940 г. Венгрия присоединилась к так называемому Тройственному пакту, союзу между Германией, Италией и Японией. В апреле 1941 г. Венгрия приняла участие в войне Гитлера против Югославии, за несколько месяцев до которой подписала с Германией пакт «О вечной дружбе». (Премьер-министр консерватор граф Пал Телеки после этого застрелился.) В декабре 1941 г. Великобритания объявила Венгрии войну, а еще через несколько дней Венгрия объявила войну США.

Венгерская армия была направлена в Россию, чтобы воевать там на стороне немцев. Однако в 1942 и 1943 гг. произошел ряд изменений. Немногочисленная патриотически (но не националистически) настроенная прослойка консерваторов и сам регент приняли тайное решение постепенно отойти от тесных обязательств перед Гитлером. Среди них был и новый премьер-министр Миклош Каллай. Предпринимались попытки тайно установить контакты с британскими и американскими официальными представителями. В январе – феврале 1943 г. советские войска нанесли тяжелое поражение 2-й венгерской армии и вынудили ее отступить (2-я венгерская армия была фактически уничтожена, потеряв 135 тыс. человек. – *Ред.*).

По молчаливому согласию армады британских и американских самолетов, пролетавшие через территорию Венгрии, не наносили ударов по Венгрии и ее столице Будапешту. (Будапешт лишь однажды подвергся довольно слабому воздушному рейду советской авиации в сентябре 1942 г.) Если не считать трагедии 2-й венгерской армии, Венгрия и Будапешт (в том числе и еврейское население страны) по большей части, пусть и не вполне, не понесли какого-либо заметного ущерба от войны, даже на момент, когда наступающие советские армии уже подходили к территории страны с северо-востока.

Наконец терпение Гитлера лопнуло. 18 марта 1944 г. он вызвал регента к себе. Фюрер приказал Хорти создать максимально прогерманское и пронационал-социалистическое правительство. У регента не было никакой альтернативы, кроме как подчиниться. В Будапешт и другие города вошли немецкие дивизии. Вскоре американская и британская авиация нанесла первый бомбовый удар по венгерской столице. Еврейское население Венгрии стало подвергаться безжалостному преследованию, угнетению и унижению. Выполняя указания немцев, многие представители венгерской военной и гражданской администрации приняли участие в отправке сначала в гетто, а оттуда – в лагеря, в первую очередь Освенцим, около 400 тысяч венгерских евреев. Большинству из них не суждено было пережить войну. Последней партией предполагалось отправить в лагерь примерно 160 тысяч евреев из Будапешта. В конце июня – начале июля Хорти наконец вынырнул из апатии. Подстегиваемый посланиями президента Рузвельта, короля Швеции и папы Пия XII, он отдал распоряжение приостановить депортацию евреев из Будапешта. Еще через семь недель недружественный сосед Венгрии Румыния повернула оружие против Гитлера и примкнула к русским. А еще через месяц первые советские солдаты вошли на территорию Венгрии с юго-запада. 15 октября регент без проведения каких-либо серьезных подготовительных мероприятий объявил, что Венгрия прекращает боевые действия и сдается союзникам. По прошествии всего нескольких часов после этого он был захвачен и арестован немецкими военными. А еще через несколько часов под давлением немцев в Венгрии было создано правительство венгерского национал-социалистического движения «Скрещенные стрелы», в состав которого, помимо откровенных фанатиков, входили и преступные элементы. После этого в Будапеште потянулись месяцы террора, который сразу же сменился осадой города.

Первые советские части подошли к юго-восточной окраине Будапешта 2 ноября, а полностью город был окружен в католическое Рождество. Осада закончилась полным поражением немецких и венгерских войск и их капитуляцией 13 февраля 1945 г. За это время паровой каток войны прошел по большей части территории страны, через горящие города и села, калеча жизнь миллионов людей, иссушая их тела и умы. Мы должны упомянуть и об этом тоже, поскольку битва за Будапешт затронула гражданское население в той же мере (если не больше), как и военных. Это было не только сражение армий, но и битва умов.

Когда началась осада города, его население оказалось трагически и бескомпромиссно разделенным. Сейчас не представляется возможным привести точные данные того разделения. Тогда не проводились общественные опросы (как и выборы после мая 1939 г.). Более того, зачастую разделение и противоречия зачастую царили в умах отдельных людей. Тем не менее на правах историка и свидетеля и участника тех незабываемых месяцев я попытаюсь нарисовать примерное соотношение различных групп разобщенного измученного населения.

По моим оценкам, на момент осады примерно до 15 процентов нееврейского населения Будапешта желали продолжения войны на стороне Германии. К этим людям относились и фанатики из организации «Скрещенные стрелы», и многие другие представители мужской и женской части населения (не обязательно члены этого движения), – все те, кто был убежден, что перспектива прихода в города Красной армии была наихудшим вариантом, и поэтому предпочел сопротивляться такому развитию событий. Еще 15 процентов населения имели

прямо противоположные убеждения: союз Венгрии с гитлеровским рейхом означал для страны политическую и моральную катастрофу, и с этим необходимо было тем или иным способом бороться. Движение «Скрещенные стрелы» и его ставленники в правительстве являлись преступниками. И поэтому чем скорее русские оккупируют Будапешт, тем будет лучше. (Среди этого меньшинства коммунисты и симпатизирующие им составляли очень незначительное количество.) Наконец, оставшиеся примерно 70 процентов населения (еще раз прошу считать все эти цифры очень условными, даже спорными в соответствии с правилом большого пальца – очень приблизительного подсчета) были полностью заняты собственными проблемами. Иногда они задумывались над общим ходом событий, иногда – нет. Но по большей части они были озабочены лишь вопросами выживания и нависшей над ними и их семьями угрозой. Эта часть населения не имела ясной идеи того, что будет после осады, в их умах царили путаница и смятение.

За исключением нескольких обобщений, невозможно дать социопсихологическое объяснение этому глубокому, порой фатальному разделению населения на группы. Интересно отметить, что оставшаяся часть венгерской национальной аристократии была настроена в основном антинацистски (то есть по существу эти люди, по крайней мере на какое-то время, были сторонниками русских). И это несмотря на то, что этот класс ждали самые большие потери с приходом русских и коммунистического правления, а значит, он, казалось бы, должен был больше всего его бояться. В то же время в рабочей среде были широко распространены пронемецкие и социал-националистические настроения и даже убеждения. (То же самое можно сказать и о сторонниках теории Маркса и прочих.) Так называемые христианские (в те времена это обозначало, что такие люди не принадлежат к евреям и социалистам) представители среднего класса также делились на те же группы и приблизительно в тех же пропорциях 15:70:15. То же касается и разделения людей, отличавшихся отношением к религии: верующих и неверующих; священников и пастырей. И остальных общественных групп: учителей, судей, адвокатов, гражданских служащих, торговцев, полицейских и т. д. Во время осады взгляды некоторой части представителей внутри различных общественных групп неизбежно должны были кардинально измениться в связи со страшными испытаниями, через которые этим людям пришлось пройти.

То же самое относится и к памяти людей. Как я уже писал выше, слишком многие предпочли совсем подавить ее, нежели попытаться все осмыслить заново и восстановить в уме цепочку событий.

К одному из сложных моментов до настоящих дней, когда нас от тех событий отделяют шестьдесят лет, все еще относится вопрос о еврейском населении Будапешта тех лет и его отношениях с другими группами населения. Условия сложились так причудливо, что (в отличие от науки в истории зачастую на передний план выходят именно исключения, а не правила), когда в конце 1944 г. началась битва за Будапешт, еврейское население города представляло собой самую большую группу выживших евреев в гитлеровской Европе, то есть фактически во всей Европе. К ним применялись законы дискриминации, их преследовали и угнетали. Многие успели погибнуть, но большинство все же было все еще живо. И конечно, они испытывали сильнейший страх за свою жизнь и ждали «освобождения», кто бы ни принес им его.

Самые смертельные и резкие противоречия между и внутри отдельных групп населения Будапешта зачастую были связаны с тем, как эти люди относились (физически или морально) к своим еврейским соседям. Сами евреи тоже были неоднородны по составу и делились на множество подгрупп. С одной стороны, было (и остается в наши дни) невозможно оценить их точную численность. В основном это связано с большим количеством смешанных браков между евреями и христианами, а также с наличием значительного количества евреев, исповадовавших христианскую веру. Можно сказать, что вплоть до начала Второй мировой войны быстрыми темпами шел процесс ассимиляции еврейского населения, его растворения в венгер-

ском народе. Но царивший в то время антисемитизм носил не религиозный, а расовый характер. Преследованиям и нападкам подвергались уже ассимилировавшиеся, богатые и успешные представители еврейской части населения Венгрии. И венгерский антисемитизм, случаи проявления которого были единичными до Первой мировой войны, получил огромный толчок в форме национальной реакции на короткое время правления коммунистического режима в 1919 г., когда две трети комиссаров были евреями. Результатом явился и антисемитизм режима Хорти, ставший официальной государственной политикой, антиеврейские законы и ограничения, принятые в 1938–1941 гг., иногда отнюдь не как реакция на требования немецкой стороны, хотя были и такие случаи. Двадцать пять лет антиеврейского воспитания и пропаганды оказали влияние на многих. А теперь судьба евреев висела на ниточке, вернее, на нескольких быстро рвущихся хрупких нитях.

У власти в Будапеште теперь стояло «правительство» фанатиков-юдофобов из движения «Скрещенные стрелы». Но на дворе стоял ноябрь 1944 г. Все еще могли отдаваться распоряжения о депортации, отправке транспортом в Освенцим. Но транспорта не было. Представители «Скрещенных стрел» по требованию немецких властей (тотчас после 15 октября на территории Венгрии объявился Эйхман со своими подручными) сразу же распорядились, чтобы евреи, независимо от пола и возраста, были отправлены пешком на запад, в сторону границы с Австрией и Германией. Но формирование большинства таких пеших конвоев вскоре было приостановлено, так как выполнение этого указания оказалось невозможным. К началу декабря, фактическому времени начала осады Будапешта, положение евреев в столице было следующим. 1) Распоряжением правительства было создано гетто в наиболее плотно заселенных еврейским населением кварталах города, куда была вынуждена переселиться большая часть еврейского населения. Никому не разрешалось проникать на его территорию через высокие деревянные заборы. В гетто жили примерно 72 тысячи евреев. Большинству из них удалось пережить осаду города. 16–17 января первые советские части вошли в эту часть города. 2) Еще примерно 25–30 тысяч евреев селились в разбросанных в других частях города многоквартирных домах. Эти «еврейские» здания (с апреля 1944 г. они были отмечены большой желтой звездой на входе) по капризному стечению обстоятельств пользовались чем-то вроде статуса «международной защиты». Шведское правительство (и храбрый Рауль Валленберг, находившийся в Будапеште во время осады), представительства Швейцарии, Португалии, Испании и Ватикана провозгласили, что временно венгерские евреи, проживавшие в этих домах, находятся под их защитой. Ради того, чтобы продолжать поддерживать дипломатические отношения с оставшимися немногими государствами, министерство иностранных дел правительства «Скрещенных стрел» пошло на это. Но преступное сообщество не согласилось с таким решением. Было зафиксировано много случаев, банды нападали на дома, где в обстановке общей скученности ютилось множество еврейских семей. Они выгоняли евреев на холодные улицы и вели их к нижним причалам на Дунай, где убивали, а тела бросали в ледяную воду. И все же большинство евреев в домах, находившихся под «международной защитой», также сумели пережить осаду. (В дальнейшем их храбрый защитник Валленберг исчез.) Сумели выжить и примерно 50 тысяч евреев, которых, зачастую с фальшивыми документами, прятали неевреи – соседи, друзья, знакомые в монастырях, домах священников, церквях и других религиозных учреждениях вплоть до окончания осады. А теперь подведем небольшой итог нашему наблюдению: внутри битвы за Будапешт, боев, побед и поражений советской и немецкой армий, внутри гражданской войны, затронувшей и поделившей население города, среди всех тех, кто надеялся, что в результате окончания осады им принесет освобождение либо возвращение немецких войск, либо наступление Красной армии, происходила еще и смертельная борьба, часто в умах мужчин и женщин города, между теми, кому была безразлична судьба евреев Будапешта, и теми, кому нет. Только это делает историю битвы за Будапешт настолько сложной, что она

выделяется этим среди всех остальных глав общей истории Второй мировой войны и еврейского холокоста.

Но исход битвы за Будапешт определяло не его население, и даже не те массы солдат, что сталкивались и сражались на улицах города. Многие решали главные хозяева воюющих армий, Сталин и Гитлер.

В августе 1944 г. советские армии вышли к пригородам Варшавы. Но после этого Сталин остановил дальнейшее наступление на запад. Он принял решение продвигаться на Балканы, в Румынию, Болгарию, Сербию, а затем и в Венгрию. Этот ход был логичен не только с точки зрения стратегии и географии, но и с политической точки зрения. Немцы уже собирались уходить из Юго-Восточной Европы (но не из Венгрии). Сюда нельзя было допускать британские или американские войска, которые сразу же помогли бы заполнить военный и политический вакуум. Черчилль знал это. Это было одной из двух главных причин (второй была судьба Польши), что заставили его в октябре 1944 г. вылететь в Москву для того, чтобы постараться достичь соглашения со Сталиным. Так и получилось. В рамках соглашения (как тогда казалось, лишь временного), регулировавшего англо-американскую и советскую зоны влияния на Балканах и в Венгрии, Сталин согласился оставить Великобритании Грецию. В отношении Венгрии первоначально Сталин согласился с Черчиллем поделить страну пополам, но через несколько дней по настоянию Молотова Иден согласился, что советская доля должна вырасти до 75 процентов. К тому моменту русские уже успели захватить значительные территории на юге и востоке страны и теперь уверенно продвигались к Будапешту. (Здесь сказала еще одна причина, по которой Черчилль одобрил эту поправку: неудачная попытка Венгрии заключить перемирие именно в тот момент, когда Черчилль находился в Москве.) В конце октября Сталин вызвал маршала Р.Я. Малиновского, командующего одним из двух советских фронтов, действовавших на территории Венгрии, и приказал ему как можно скорее занять столицу страны. Через несколько дней передовые части советских войск вышли к окраинам города. Но в тот момент маршал Малиновский не имел возможности войти в город и захватить его. Настоящая осада венгерской столицы началась не ранее чем в рождественские дни, когда другой советский фронт под командованием маршала Ф.И. Толбухина завершил окружение города с юго-запада. Здесь мне придется отметить небольшое, почти незаметное расхождение во мнениях с моим блестящим коллегой Унгвари. Разумеется, Сталин хотел, чтобы наступление на запад осуществлялось как можно более высокими темпами. Но я не думаю, что в то время это было его главной заботой. Конечно, он был разочарован задержкой в захвате Будапешта, долгой осадой. Но пусть он и был раздосадован этим обстоятельством, оно его не слишком огорчало. Одним из косвенных доказательств этого являются относительно низкие темпы захвата Будапешта советскими войсками. Ибо тогда русские наступали очень осторожно. А это значит, что при любом развитии событий Сталин хотел, чтобы Венгрия и Будапешт оказались под его контролем. И его подчиненные представляли себе это вполне отчетливо. Одним из примеров их политической воли является то, что они арестовали Рауля Валленберга и переправили его в Москву уже на следующий день после того, как был занят Пешт.

Цели Гитлера, возможно, заслуживают еще более пристального внимания. Его общие стремления были понятны. Они заключались в том, чтобы остановить и как можно дольше задержать наступление советских войск на Вену. Если в результате будет разрушен Будапешт, что ж, пусть будет так. И в этом ему удалось преуспеть: осада Будапешта стоила советской стороне многих солдат и значительного времени. Она продолжалась довольно долго. Именно поэтому Гитлер запретил идти на прорыв гарнизону Будапешта даже тогда, когда две деблокирующие группировки немецких войск были уже у самого города и когда такой прорыв, возможно, мог бы увенчаться успехом. Пусть Будапешт (или хотя бы Буда), считал фюрер, будет подобен шипу в теле русских, мешая их наступлению на Вену. И еще примечательным является

тот факт, что самый крупный контрудар в Западной Венгрии немцы нанесли уже после того, как Будапешт пал. После нескольких успешных прорывов последнее немецкое наступление на Восточном фронте и даже во всей войне тоже провалилось. Но его значение состоит в том, что оно помогает нам понять логику Гитлера. Его главная (и единственная) надежда, как мы сейчас знаем, состояла в том, чтобы рассорить между собой противников. Достичь этого политическими или дипломатическими шагами оказалось невозможно. Но может быть, этого можно было добиться, одержав неожиданно крупную победу на поле боя на том или ином фронте. Именно это, а не что-то вроде отвоевания Парижа заставило Гитлера пойти на наступление в Арденнах (Битва на выстуе); в этом состояла отчаянная попытка нанести сокрушительное поражение русским в Западной Венгрии в марте 1945 г. И если даже цели не были достигнуты, они помогли задержать наступление победоносных армий его противников.

Здесь я хотел бы добавить нечто, о чем очень редко вспоминают историки. Речь идет о тайном поощрении Гитлером попыток некоторых его приспешников создать трения в отношениях между англоамериканцами и русскими. В 1944 г. было сделано много подобных попыток. В случае с Будапештом можно привести по крайней мере два подобных примера. Первый относится к Раулю Валленбергу, который, не будучи даже шведским дипломатом, движимый лишь своими убеждениями гуманиста и стремлением помочь представителям еврейских и американских организаций, отправился в Будапешт. Немцы разрешили ему прибыть в город и остаться в нем и обращались с ним иногда как с полномочным представителем западных союзников (что во многих случаях соответствовало действительности). Они поступали так в силу ряда причин, в том числе и стремления поссорить между собой американцев и русских. Советская сторона знала об этом (немцы сделали все, чтобы эта информация была доведена до русских), и это послужило причиной немедленного ареста Валленберга и отправки его в Москву. Другим важным примером были инструкции Генриха Гиммлера, который недвусмысленно запретил разрушать будапештское гетто и убивать его обитателей. (Кстати: за два дня до того, как наступающие советские войска вышли к гетто, некоторые подразделения СС и боевики движения нилашистов планировали захватить его территорию и уничтожить всех жителей. Немецкий генерал остановил выполнение этого плана, пригрозив его непосредственным вдохновителям арестом.) Есть все основания полагать, что директивы Гиммлера были составлены не в противовес пожеланиям Гитлера.

Осада Будапешта закончилась 13 февраля 1945 г., через день после завершения работы Ялтинской конференции. В Ялте ни Черчилль, ни Рузвельт, ни Сталин и словом не обмолвились о Будапеште и Венгрии, которые целиком попадали под контроль русских. Шестьдесят лет спустя, в 2004 г., в некоторых периодических изданиях и на демонстрациях с участием сотен представителей венгерских правых организаций превозносился героизм последних защитников Будапешта. Остальные в Будапеште помнят эту дату (если вообще помнят о ней) как день своего «освобождения». Да, все совсем не просто в истории битвы за Будапешт, как нет ничего простого в историях и воспоминаниях людей того времени.

Джон Лукач

Пролог

Осада Будапешта является одним из самых длительных и кровопролитных городских сражений в истории Второй мировой войны. С 3 ноября 1944 г., дня, когда на окраинах венгерской столицы появились первые советские танки, и до захвата 13 февраля 1945 г. замковой горы, где располагается Будапештская крепость, прошло 102 дня (бои в самом городе начались 24 декабря и продолжались 51 день). Для сравнения: Берлин пал за две недели, Вена – за пять дней, а в Париже и других европейских столицах, за исключением Варшавы, боев не было совсем (кое-где были, но недолгие, например в Бухаресте. – *Ред.*). Прочие немецкие так называемые «крепости», например Кенигсберг и Бреслау, сопротивлялись гораздо меньше по времени, соответственно 77 и 82 дня.

Географически разделенный на две части, Будапешт (точнее, та часть города, которая называется Буда) осаждался довольно часто. За более чем тысячу лет существования города можно привести примеры полутора десятков осад разной интенсивности. Но опустошение, которым закончилась битва за город во время Второй мировой войны, по своим последствиям не знает себе равных. Битву за Будапешт по ожесточенности можно сравнивать лишь со сражениями за Ленинград, Сталинград и Варшаву.

Блокада Ленинграда продолжалась почти три года, но в городе не было уличных боев. Территория Сталинграда была полем боя в течение четырех месяцев, но большую часть населения города удалось эвакуировать. Помимо солдат немецкой, венгерской и советской армий, в боях в осажденном Будапеште участвовало примерно 800 тысяч бойцов нерегулярных вооруженных формирований – неомобатантов. Бои были настолько яростными, что в письмах и воспоминаниях их участников они нередко сравниваются с боями в Сталинграде.

подавляющее большинство жителей города не было эвакуировано. Погибли примерно 38 тысяч лиц из числа гражданского населения, примерно столько, сколько потеряли венгерская и немецкая армии. То есть каждый второй погибший со стороны обороняющихся был гражданским лицом. Потери наступающей Красной армии были примерно того же порядка и составили около 160 тысяч человек, из них четверть убитыми, остальные ранеными.

Сохранилось очень мало архивных материалов, посвященных битве за Будапешт, на немецком, венгерском или русском языке. Многие записи, сделанные в то время солдатами, были утеряны или уничтожены. Одним из немногих сохранившихся документов, дошедших до нас с тех дней, является журнал боевых действий венгерской 10-й пехотной дивизии. По приказу начальника штаба дивизии Дьёзё Бениовски он был закопан в одном из дворов города Буда, где пролежал более сорока лет, прежде чем попасть в архив Музея военной истории в 1986 г. Начиная с середины 80-х гг. в архив стали также поступать все более многочисленные мемуары участников тех боев, но в те времена подобные документы из политических соображений было принято откладывать в самые глубокие запасники.

Долгое время все публикации, посвященные той битве, были подчинены целям пропаганды. Первым случаем публикации версии, расходившейся с академической версией трактовки событий, было произведение Шандора Тота *Budapest felszabaditasa*, опубликованное в 1975 г. Но Тот имел лишь ограниченный доступ к советским источникам и совсем не имел доступа к немецким архивам. К тому же его работа была лишь отчасти связана с тем, что в те дни происходило в столице Венгрии. Из 279 страниц текста лишь на шестидесяти двух говорится о боях в городе. Остальная часть книги посвящалась политическим вопросам, в первую очередь необходимости политической разрядки. И это совсем не случайно, что Тот, как и многие непосредственные участники тех событий, был обязан не слишком углубляться в детали. Проживавший в Берне Петер Гостони сумел провести исследования и опубликовать ценнейшие материалы на немецком и венгерском языках, датированные 1960-ми гг. Политическое

давление на историков прекратилось в 1989 г., но, несмотря на растущий интерес к военным событиям недавнего прошлого, в последующие годы так и не было проведено всеобъемлющего исследования битвы за Будапешт. Единственным исключением может послужить сборник материалов, опубликованных по результатам конференции, проведенной в Институте военной истории в Будапеште в 1994 г.

Моей целью в данном исследовании было на основе всех имеющихся в моем распоряжении источников попытаться провести реконструкцию тех событий, произошедших в ходе одного из самых кровопролитных городских сражений Второй мировой войны. Из-за скудности официальной документации мне приходилось зачастую полагаться на воспоминания участников тех событий. В любом случае коммунике, не важно, было ли оно подготовлено в офисе или на командном пункте, не могло бы передать реальных ужасов той блокады. Поэтому в моем исследовании огромное внимание я уделял работе с теми, кто мог поделиться своими личными впечатлениями.

Я пытался получить информацию у тех, кто выжил, как с немецкой, так и с венгерской стороны. Но, несмотря на то что немецким солдатам пришлось вынести на себе основную тяжесть боев, их относительно малое количество воспоминаний зачастую были неточными вследствие недостаточных знаний местных реалий. Советские солдаты еще меньше были склонны к тому, чтобы делиться своими воспоминаниями. Поэтому мне пришлось рисовать картину конкретных боев на основе того, что удалось узнать из венгерских источников.

В наши дни значительно вырос интерес к битве за Будапешт как в Венгрии, так и в Германии. Данная книга успела выдержать четыре венгерских, три немецких и одно английское издание. Ко мне все еще обращаются те, кто сумел выжить в те страшные дни, чтобы поделиться очень ценной информацией. Мне удалось также организовать чрезвычайно интересные выставки с использованием предоставленных ими материалов в Будапеште и Берлине.

Впервые данное исследование я выполнил как докторскую диссертацию в Университете имени Этвоша Лорана в Будапеште. Те трагические, зачастую откровенно преступные страницы до сих пор вызывают у людей болезненные воспоминания, отчего даже сегодня было особенно сложно правильно описать их. Поэтому я очень хотел бы поблагодарить всех тех, кто помог мне в работе над данным исследованием, предоставив ценнейший дополнительный материал, техническую информацию и свои комментарии. Особенную благодарность хотелось бы выразить профессору Ладиславу Лёбу, взявшему на себя перевод на английский язык, который помог мне подготовить данную книгу в пределах, далеко превосходящих обычный перевод текста, и который также помогал мне исправлять найденные в ней неточности.

Глава 1 ПРЕЛЮДИЯ

ОБЩАЯ СИТУАЦИЯ В КАРПАТСКОМ БАССЕЙНЕ ОСЕНЬЮ 1944 Г.

В результате ряда последовательно нанесенных немецкой стороне поражений на Восточном фронте Италия, Румыния и Венгрия стали все больше и больше тяготиться ролью союзников Германии. Во всех трех странах набирали силу политические сторонники, требовавшие разорвать союзнические обязательства по отношению к Германии. Когда в начале 1944 г. линия фронта стала приближаться к Венгрии, немецкий вермахт оккупировал территорию страны, чтобы не дать ей последовать примеру Италии и не допустить переговоров с союзниками о прекращении огня. Поскольку запланированная немецким руководством оккупация Румынии провалилась, Румыния сумела обмануть бывших союзников и перейти на сторону Советского Союза. 23 августа 1944 г. король Михай сверг премьер-министра Румынии Йона Антонеску, и Румыния разорвала дипломатические отношения с Германией. Германский фронт в Восточной Румынии сразу же рухнул, и после того, как были разгромлены целые участки обороны на фронте группы армий «Южная Украина», войска 2-го Украинского фронта, почти не встречая сопротивления, прошли всю территорию Румынии и 25 августа вышли на границу с Венгерской Трансильванией. В начале октября они продвинулись до южных окраин Большой Венгерской равнины (Среднедунайская низменность. – *Ред.*). 6 октября они начали общее наступление с целью совместно с войсками 4-го Украинского фронта, наносившими удар с Карпат, окружить немецко-венгерскую группировку (около 200 тыс. человек. – *Ред.*) в Трансильвании. Немецкие 31 дивизия (32 дивизии, в том числе 3 дивизии группы армий «Ф» и 5 бригад. – *Ред.*) с 293 танками и штурмовыми орудиями противостояли 59 советским дивизиям (при поддержке 825 (750). – *Ред.*) танков и самоходных артиллерийских установок) 2-го Украинского фронта. Соотношение войск было соответственно 400 тысяч против 698 тысяч солдат и офицеров.

На 160-километровом фронте между Мако и Надьварадом (Орадя. – *Ред.*) на север рвались два танковых и два механизированных советских корпуса, имевших в своем составе 627 танков, и 22 пехотные и кавалерийские дивизии. Им противостояли 70 танков и 8 дивизий 3-й венгерской армии. Фронт обороны венгерских войск, где полностью отсутствовали (были в недостаточном количестве. – *Ред.*) противотанковые средства, вскоре оказался разорванным в ключья, а советские войска получили приказ продолжать наступление в направлении на Дебрецен. В то же время немцы также занимались сосредоточением своих сил в этом районе в рамках операции *Zigeunerbaron* («Цыганский барон»). Ее целью было разгромить на Большой Венгерской равнине войска 2-го Украинского фронта, после чего, развернувшись на юг и на восток, захватить перевалы в Карпатских горах, создав там удобные оборонительные рубежи. С 10 по 14 октября состоялось танковое сражение при Дебрецене. Против 11 немецких и венгерских дивизий, имевших в своем составе (первоначально. – *Ред.*) 227 танков и штурмовых орудий, советская сторона сумела выставить вдвое превосходившие их силы – 39 дивизий, 773 танка и САУ.

Несмотря на успешный для советской стороны исход сражения при Дебрецене, которое 20 декабря закончилось захватом города, им не удалось полностью выполнить боевую задачу по окружению развернутых в Трансильвании и Карпатах 8-й немецкой, а также 1-й и 2-й венгерской армий. Кроме того, 4-й Украинский фронт под командованием генерал-майора И.Е.

Петрова, который должен был замкнуть кольцо окружения с севера, продвигался вперед очень медленно. В результате немецкой группе армий «Юг» удалось отвести свои войска из предполагаемого котла. После того как 15 октября провалилась попытка регента Миклоша Хорти разорвать отношения с Германией и заключить сепаратный мир с Советским Союзом, немецкие танковые части, развернутые на тот момент в приграничных районах Венгрии, были переброшены на основную линию фронта, значительно укрепив ее. К 20 октября немецкая сторона потеряла всего 133 танка, в то время как потери советских войск составляли до 500 машин, более 70 процентов имевшихся в составе частей на этом участке. В конце октября немецкие танковые дивизии сумели окружить механизированные и кавалерийские части группы И.А. Плиева в районе Ньиредьхаза, и советским войскам удалось прорваться из кольца лишь с очень тяжелыми потерями. Даже почти в конце войны вермахт представлял собой грозную силу: за каждый уничтоженный немецкий танк советским танкистам приходилось расплачиваться четырьмя своими машинами. Если бы советское наступление было подготовлено более тщательно, потери советской стороны могли бы быть гораздо меньшими. (По советским данным, в ходе Дебреценской операции 6–28 октября было разгромлено 10 дивизий противника. В плен было взято более 42 тыс. солдат и офицеров, убито от 80 до 100 тыс. Советские войска (2-й Украинский фронт) с 6 по 28 октября потеряли 19 213 человек убитыми и пропавшими без вести и 64 297 человек ранеными. – *Ред.*)

После оккупации Венгрии Гитлер назначил главным представителем в этой стране Эдмунда Веезенмайера. Несмотря на то что он должен был учитывать и интересы СС, именно Веезенмайер был лицом, определявшим венгерскую политику тех дней. Еще до начала осады Будапешта он заявил, что будет не важно, даже если город «уничтожат десять раз, лишь бы была обеспечена оборона Вены».

Между городами Байя на юге и Сольнок на востоке на тот момент были развернуты лишь семь сильно потрепанных дивизий из состава 3-й венгерской армии и 20 танков немецкой 24-й танковой дивизии. Им противостояла советская 46-я армия. Большую часть боеспособных частей немцы перебросили для участия в танковом сражении у Дебрецена. Расстояние от позиций советских войск до Будапешта составляло примерно 100 км. Однако наступление советской стороны было бы рискованным, так как немецкие танковые части можно было легко перебросить обратно для обороны города, а у русских к тому моменту больше не оставалось достаточно бронированной техники для ведения успешных наступательных действий.

Пока советская сторона продолжала наступать на территории Венгрии в районе по ту сторону реки Тиса и в южной части Венгерской равнины, на западе страны к власти в Венгрии пришло правительство партии нилашистов с эмблемой «Скрещенные стрелы», ввергнувшее страну в обстановку всеобщего террора.

Партия нилашистов вела свое начало с середины 1930-х гг. В то время в стране возник ряд ультраправых группировок. Их появлению способствовала и обстановка всеобщего разочарования, охватившая население после правления коммунистической республики в 1919 г. Этому способствовали и сохранившиеся пережитки феодальной структуры правления и сильные антиеврейские традиции в венгерском обществе. Вождем партии стал Ференц Салаши, бывший майор Генерального штаба. Результаты 1938 г. продемонстрировали, что партия пользовалась большой популярностью в рабочих районах, где набрала до 20 процентов голосов. В своей программе партия обещала провести земельную реформу, социальные реформы в интересах рабочих и крестьян, полностью избавить страну от еврейского влияния, для чего планировалось провести депортацию всех евреев из Венгрии. Предполагалось, что в дальнейшем на базе Венгрии будет создано федеративное государство под названием Хунгаристское Карпатско-Дунайское Великое Объединение Земель, куда войдут Венгрия, Словакия, Воеводина, Бургенланд, Хорватия, Далмация, Рутения, а также Трансильвания и Босния. От национал-социализма движение переняло идею о фюрере и жизненном пространстве: народ должен

безоговорочно следовать воле вождя и вести борьбу за завоевание новых земель для растущего населения.

Несмотря на то что в реальности участь Будапешта была заранее предрешена военной политикой Германии, согласно лозунгам членов партии «Скрещенные стрелы», весь венгерский народ должен был подняться на борьбу против насилия, грабежей и отправки в Сибирь, которые обязательно принесет с собой приближающаяся к городу советская армия. Преследуемые евреи видели в советских солдатах своих освободителей. В то же время оставшаяся часть населения испытывала плохие предчувствия. Относительное внешнее спокойствие в столице иногда нарушалось. Это происходило, например, при депортации евреев в лагеря или в гетто, при появлении колонн беженцев, покидавших свои дома и отправлявшихся на запад, а также после опубликования данных о выполнении приказа об эвакуации с [востока] Венгерской равнины (Альфельда). «Теперь мы должны быть готовы к тому, чтобы однажды и впредь стать осажденным городом, – писал в своем дневнике ученый-лингвист Миклош Коваловски, после того как он же описал увиденную им сцену в пригороде Кишпешт, – пожилая женщина со слезами на глазах рассказывала об эвакуации из Кечкемета. Они смогли взять с собой лишь немного одежды и продуктов. При этом у них не хватило времени на то, чтобы забрать с фермы трех свиней. Жители всего города превратились в нищих. А что будет, если им придется эвакуироваться дальше?»

Разделение Восточной Европы

Пока пылало танковое сражение при Дебрецене между войсками 2-го Украинского фронта и немецкой группой армий «Юг», в Москве произошел ряд событий, оказавшихся решающими для Будапешта. С 8 по 18 октября 1944 г. на переговорах с советским руководством в столице страны находился премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль. Основной темой были британские и советские интересы в будущей Восточной Европе. Черчилль открыто предложил советскому премьеру Иосифу Сталину поделить всю эту территорию на «сферы интересов». По воспоминаниям очевидцев, он был уже изрядно навеселе, когда небрежно набрасывал на листе бумаги названия стран, делая рядом пометки с указанием соответствующих процентов, на которые делилась советская доля и доля «остальных», а именно западных союзников:

Румыния 90 % – 10 %;
Болгария 75 % – 25 %;
Венгрия 50 % – 50 %;
Югославия 50 % – 50 %;
Греция 10 % – 90 %.

Сталин не колеблясь вносил свои ремарки в документ. У него уже был большой опыт того, как делятся «сферы интересов», – ведь в 1939 г. ему уже пришлось заключать подобное соглашение, правда, тогда делиться приходилось с нацистской Германией. В один из моментов просветления Черчилль вдруг забеспокоился, в достаточно ли рыцарской манере решается такая значительная проблема: «Не покажется ли слишком циничным то, что судьбы миллионов людей мы определяем вот так бесцеремонно? Давайте порвем эту бумагу». Но Сталин спокойно ответил на это: «Нет, давайте сохраним все как есть».

Однако вероломный диктатор уже думал над тем, как нарушить это соглашение. Ранее британский премьер-министр выдвигал идею наступления войск западных союзников через Любляну, но Сталин всякий раз отвергал этот план, поскольку опасался, что продвижение англо-американских войск сделает невозможной большевизацию этой области. Когда Черчилль в очередной раз высказался за наступление через Балканы, реакция Сталина была стан-

дартной. На самом деле присутствие британских и американских войск в Венгрии и Югославии никак не могло угрожать его «интересам безопасности», поскольку он пообещал здесь союзникам 50-процентную долю, а 14 октября 1944 г. советские войска заняли Белград, и все шло к тому, что в течение последующих нескольких недель они оккупируют всю территорию между Дунаем и Тисой. И если Сталин, несмотря ни на что, пытался опередить союзников даже в Австрии и Баварии, которые никогда не должны были войти в советскую «зону интересов», то причина, скорее всего, заключалась в том, что он не собирался держать слово.

Советский диктатор интерпретировал термин «интересы безопасности» слишком широко. Здесь стоит сравнить требования, выставленные советской стороной по поводу так называемых «интересов безопасности» перед соседями соответственно в 1939–1940 гг. и в 1944 г. Выдвинутая Сталиным в 1944 г. программа-минимум была практически идентична тому, что он требовал от Гитлера через Молотова: расширение советской «зоны интересов» на территории Венгрии, Румынии, Болгарии, Греции, проливы между Средиземным и Черным морями. К 1944 г. к этому списку добавились Югославия и Албания, и за исключением этих двух последних пунктов программа Сталина была поразительно схожей с тем, что Карл Маркс столетием раньше называл «естественными границами» России. Ради этой программы-минимум Сталин был готов пойти на значительный риск с военной точки зрения. Овладение Будапештом было для него необходимым не только с точки зрения гонки с английскими и американскими союзниками, но и потому, что, с его точки зрения, настал подходящий момент для большевизации Венгрии: «Освобождение столицы от немецко-фашистского ига должно ускорить... создание демократического правительства... и оказать благоприятное воздействие на некоторые колеблющиеся элементы, представляющие буржуазные партии и группировки». Империалистические устремления Советского Союза подтверждались тем важным значением, которое придавалось «гонке», которую вели Советы, с одной стороны, и британское и американское руководство – с другой. Совершенная по инициативе Черчилля операция по высадке союзников на Адриатике (имеется в виду высадка английских войск в Греции в октябре – ноябре 1944 г., то есть в Эгейском и Ионическом морях. – *Ред.*) была единственной подобной операцией войск Западного альянса, однако, в отличие от Сталина, Черчилль не вынашивал планов смены политического режима путем революции (английские войска просто подавили левые силы в Греции (ЭАМ – ЭЛАС). – *Ред.*). Стимулом здесь были всего лишь обещанные «проценты». Для Соединенных Штатов тогда вопрос о политическом контроле над Западной Европой тогда еще не стоял, это произошло гораздо позже. Задержки в наступлении союзников после высадки в Нормандии 6 июня и полное отсутствие активности их войск в период с октября 1944 по март 1945 г. также указывают на то, что британский и американский Генеральный штаб не считал своей стратегической задачей опередить Советский Союз.

Планы сторон и подготовка

После отъезда делегации союзников Сталин, очевидно размышляя в уме над своими «интересами безопасности», запросил Генеральный штаб, реальна ли перспектива немедленно захватить Будапешт. Чуть раньше он получил доклад своего бывшего секретаря, а ныне политического представителя при командующем 4-м Украинским фронтом Л.З. Мехлиса. Мехлис, чьи излишне оптимистические донесения уже несколько раз успели послужить причиной военной катастрофы, в том числе злосчастной Крымской операции 1942 г., докладывал Сталину: «Части венгерской 1-й армии, противостоящей нашему фронту, деморализованы и находятся на грани разложения. Каждый день наши войска захватывают в плен от одной до двух тысяч солдат и офицеров противника, а иногда даже больше... Солдаты противника небольшими группами скрываются в лесах, некоторые вооружены, другие без оружия, а многие – даже в гражданской одежде».

Что касается вопроса Сталина о немедленном захвате Будапешта, то первый заместитель начальника Генерального штаба Красной армии (с мая 1943 г. начальник Оперативного управления Генштаба) генерал армии (с 1968 г.) С.М. Штеменко позже писал в воспоминаниях: «Без каких-либо опасений мы дали ответ, что целесообразнее всего было бы атаковать венгерские позиции, которые должны были быть взяты левым крылом 2-го Украинского фронта. В данном случае нам не приходилось бы форсировать реку, к тому же на данном участке враг сосредоточил меньше сил, нежели в других местах». И Сталин отдал приказ о немедленном начале наступления, несмотря на предостережения начальника Генерального штаба Красной армии генерала армии А.И. Антонова, который пытался объяснить, что доклад Л.З. Мехлиса имеет отношение лишь к войскам 1-й венгерской армии, но не к обстановке в целом. В 10 часов утра 28 октября 1944 г. между Сталиным и командующим 2-м Украинским фронтом состоялся следующий телефонный разговор.

Сталин. Надо как можно скорее в течение нескольких последующих дней захватить Будапешт, столицу Венгрии. Это надо непременно сделать. В состоянии ли вы провести эту операцию?

Малиновский. Это задание можно было бы выполнить за пять дней, но при условии, что будет подтянут 4-й механизированный гвардейский корпус 46-й армии...

Сталин. Ставка не может дать вам этих пяти дней. Поймите же, наконец, что мы должны захватить Будапешт как можно скорее из политических соображений.

Малиновский. Я прекрасно понимаю, что скорейшее взятие Будапешта является безотлагательным как раз по политическим причинам. Но мы сможем рассчитывать на успех, если только в операции будут принимать силы 4-го гвардейского корпуса.

Сталин. Ни при каких условиях мы не можем согласиться с отсрочкой наступления... Наступление на Будапешт должно начаться безотлагательно.

Малиновский. Если вы дадите мне пять дней, то в последующие пять дней я возьму Будапешт. Если же мы предпримем штурм безотлагательно, то 46-я армия, в силу недостаточности сил, не сможет нанести стремительный удар, а в итоге увязнет в продолжительных боях на подступах к венгерской столице. Иными словами говоря: она будет не в состоянии взять Будапешт.

Сталин. Почему вы так упрямо отстаиваете свою позицию? Очевидно, вы не полностью понимаете политическую значимость немедленного военного наступления на Будапешт.

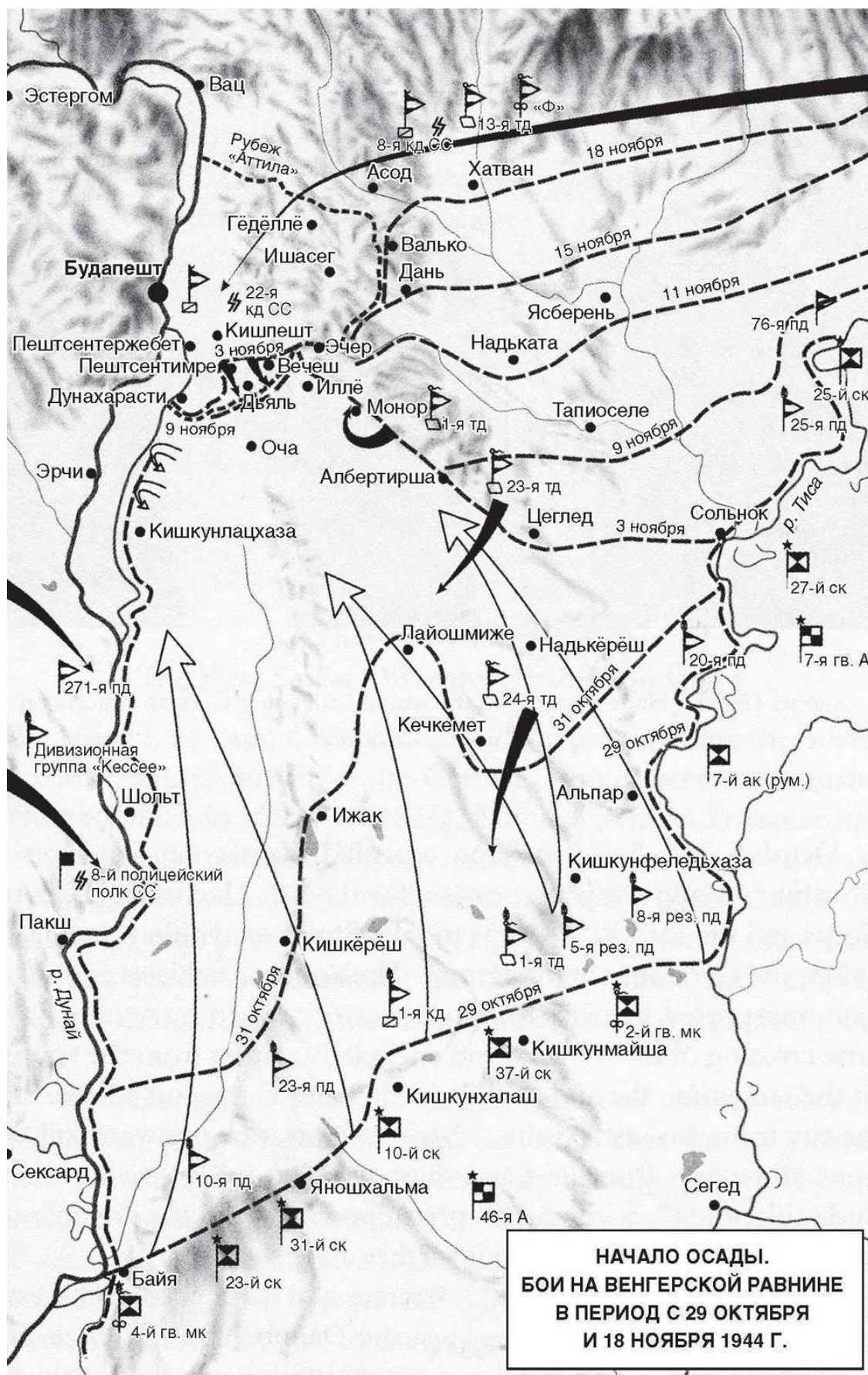
Малиновский. Я осознаю, какое большое политическое значение имеет взятие Будапешта. И именно по этой причине я прошу пять дней.

Сталин. Настоящим я приказываю вам завтра же начать наступление на Будапешт.

Не дав ничего больше сказать в ответ, Сталин прервал разговор и положил трубку.

Специалисты расходятся в оценках того, было ли решение, принятое Сталиным, верным. Когда был отдан приказ о наступлении, 23-й стрелковый корпус, который должен был стать резервом фронта, все еще находился в пути. Еще один (4-й) механизированный корпус Р.Я. Малиновский так и не получил: он прибыл только на следующий день. А 4-й Украинский фронт, который также должен был принимать участие в окружении Будапешта, не сумел вовремя выйти на Венгерскую равнину.

Уже 26 октября немецкое командование, осознав угрозу советского наступления, начало перегруппировку своих сил. К 1 ноября в район Кечкемета были переброшены 23-я и 24-я танковые дивизии. Кроме того, началась переброска туда 13-й танковой дивизии, моторизованной дивизии «Фельдхернхалле» и 8-й кавалерийской дивизии СС «Флориан Гейер». Этими силами командующий немецкой группы армий «Юг» генерал-полковник Ганс Фриснер планировал вернуть территории на Венгерской равнине и создать по реке Тиса хорошо укрепленный оборонительный рубеж.

Советское наступление началось в назначенное время после непродолжительной артиллерийской подготовки южнее Кечкемета в направлении на север ударами 37-го стрелкового и 2-го механизированного корпусов. Вскоре советские танки прорвали оборону венгерских войск в полосе примерно 25 км. Стремительное движение вперед, которое не смог остановить неудачный контрудар немецкой 24-й танковой дивизии, продолжалось всю ночь. Однако 30 ноября продвижение застопорилось после того, как немецкие и венгерские войска, в особенности их зенитная артиллерия, только в окрестностях Кечкемета сумели уничтожить 20 советских танков. В тот же день советская 7-я гвардейская армия форсировала Тису и стала медленно продвигаться вперед.

31 октября советские войска заняли Кечкемет, а 1 ноября Малиновский отдал приказ 4-му гвардейскому механизированному корпусу и 23-му стрелковому корпусу в течение трех дней захватить Будапешт, не дав немецким войскам провести перегруппировку.

Бронетехника и пехота, перевозимая на грузовиках и повозках с лошадьми, должны были внезапно форсировать Дунай и окружить Будапешт с юга. В то же время 2-й гвардейский механизированный корпус получил задачу обойти город с востока. Поскольку основные силы советских фронтов все еще находились на расстоянии 40–50 км от Пешта, а на той стороне, где располагался Буда, не было советских плацдармов, на практике план исходил из того, что можно было просто и беспрепятственно совершить «прогулку» внутрь венгерской столицы.

У венгерских и немецких войск не было шансов для успешной обороны территории между Дунаем и Тисой. К 31 октября их эти сильно потрепанные войска насчитывали примерно 17 400 солдат и офицеров, против которых действовали примерно 52 тысячи русских. Против 97 танков и штурмовых орудий немцев и венгров корпуса фронта Р.Я. Малиновского могли двинуть 321 единицу бронированной техники (см. табл. 1 и 2, с. 423–424). Топографически данная местность хорошо подходила для широкомасштабных действий танковых соединений, поэтому в обороне немецкая и венгерская сторона не смогли бы здесь долго продержаться. Но все же, как показал ход дальнейших событий, даже венгры (не говоря уже о немцах) сумели сохранить достаточно мощную группировку войск, которой вскоре предстояло принять участие в последней, самой опустошительной фазе войны на территории Венгрии. На первых этапах сражения закрепившиеся на Дунае венгерские части, укрепленные немцами, оказались серьезным препятствием для слабо подготовленного советского наступления. Во всяком случае, молниеносный бросок вперед оказался на этом участке для советских войск невозможным, так как они не имели для него достаточно сил. Военачальники масштаба Малиновского (с сентября 1944 г. Маршал Советского Союза) должны были знать, что достижение поставленной задачи было нереальным. Но поскольку Сталин отмахивался от всех возражений, Малиновскому ничего не оставалось, кроме как повиноваться.

«Они идут!» Первое советское наступление на Будапешт

С военной точки зрения венгерская столица не была полностью беззащитной перед наступающими советскими войсками. По приказу Главного командования сухопутных войск (ОКХ) генерал-полковник Фриснер еще 21 сентября 1944 г. приступил к строительству глубоководной системы обороны венгерской территории. Она состояла из трех оборонительных рубежей: рубежа «Маргит» («Маргарита») между Будапештом и озером Балатон на юго-западе, рубежа «Кароль» между низкими горами Черхат, Матра и Земплени-Хедыпея на севере страны и рубежа «Аттила», который проходил к востоку от столицы.

11 сентября по приказу венгерского Генерального штаба началось оборудование предмостного укрепления в предместьях Пешта. Рубеж «Аттила» должны были оборонять четыре дивизии шестибатальонного состава. Он представлял собой три полудуги: первая проходила через населенные пункты Альшогод, Верешэдхаз, Маглод, Эчер, Дунахарати. Вторая – вдоль

линии Дунакеси, Модьород, Ишасег, Пецель, Пештсентиме, Шорокшар. Третья проходила по окраинам самого Пешта. Фортификационные укрепления состояли из земляных бункеров, противотанковых рвов, нескольких участков с заграждениями из колючей проволоки и минными полями. После появления первых советских частей работы были продолжены: 1 ноября для участия в них было мобилизовано около 28 тысяч человек – солдат словацких технических частей, представителей гражданского населения и лиц, назначенных на принудительные работы.

Еще в сентябре 1944 г. Верховное командование венгерских войск с тревогой обратило внимание на тот факт, что Будапешт в течение нескольких дней может превратиться в прифронтовой город, так как 3-я венгерская армия не обладала достаточными силами для того, чтобы отразить первый мощный удар противника. 25 сентября начальник объединенного штаба «Гонведа» (венгерские регулярные войска) Янош Вёрёш телеграфировал в немецкое Верховное командование генерал-полковнику Гейнцу Гудериану, занимавшему в тот момент должность начальника Генерального штаба сухопутных войск: «Если в ближайшее время 3-я венгерская армия не получит значительного подкрепления, то ее ожидает скорейший крах. В данном случае перед врагом открывается прямая дорога в сердце страны, на город Будапешт». 9 октября Вёрёш отдал распоряжение командирам частей зенитной артиллерии и технических служб обеспечить прикрытие дорог на Будапешт. Тем же приказом он распорядился, чтобы венгерский I армейский корпус с приданными ему подразделениями полиции, жандармерии и ПВО занял позиции на рубеже «Аттила». Одновременно он обратился к командованию группы армий «Юг» с требованием предоставить ему немецкие войска усиления. Несмотря на то что расквартированный в Будапеште венгерский I армейский корпус представлял собой скорее административную, чем боевую, единицу и не имел собственных войск, ему временно были переподчинены все дислоцированные в столице венгерские части. Сегодня уже сложно судить о том, действительно ли Вёрёш намеревался оборонять Будапешт от советских войск, или он сосредоточивал силы для того, чтобы обеспечить выполнение плана Хорти о прекращении огня. Во всяком случае, он был в курсе намерений Хорти.

10 октября в венгерском Генеральном штабе начали подготовку к действиям в случае осады столицы. 12 октября штаб венгерского VI армейского корпуса получил приказ выдвигаться из Карпатских гор в Будапешт. Такой же приказ получила и 10-я пехотная дивизия. 1-й армейский корпус должен был обеспечивать меры безопасности, а 6-й армейский корпус – оборону города. В тот же день одно из самых надежных элитных формирований венгерской армии, 1-я парашютная группа, получило назначение в Будапешт. Кроме того, три противотанковые роты из состава 10-й пехотной дивизии получили приказ в срочном порядке переместиться со своих позиций в Карпатских горах в столицу. Командующий танковыми войсками вооруженных сил Германии генерал-полковник Гейнц Гудериан (с марта 1943 г. генерал-инспектор танковых войск, с июля 1944 по март 1945 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск. – *Ред.*) высказался против этих мер, возможно, потому, что немецкое командование было в курсе планов Хорти о заключении перемирия и поэтому, несмотря на приближение советских войск, было заинтересовано главным образом в том, чтобы не допустить сосредоточения венгерских военнослужащих в столице. Решение немецкой стороны сохранять военный контроль в Будапеште, сконцентрировав там собственные силы даже в самый разгар танковых боев у Дебрецена, говорит о том, что одной из главных ее задач было не допустить выхода Венгрии из войны и потери своего плацдарма на Венгерском театре.

А пока немцы тоже накапливали свои войска в Будапеште. Они перебросили сюда 503-й тяжелый батальон танков «Тигр» и часть подразделений 24-й танковой дивизии. 13 октября венгерский Генеральный штаб отдал приказ всем подвижным частям венгерской армии следовать в Будапешт. Западнее Будапешта была расквартирована 22-я добровольческая кавалерий-

ская дивизия СС «Мария-Терезия», состоявшая из проживавших на венгерской территории и насильственно мобилизованных швабов.

По данным боевого журнала группы армий «Юг», по состоянию на 25 октября 1944 г. силы обороны Будапешта включали в себя 26 тысяч немецких и примерно 15 тысяч венгерских солдат и офицеров (часть из них не прошедших полный курс подготовки), входивших в состав различных частей и подразделений, и 146 крупнокалиберных зенитных орудий, которые могли быть использованы для борьбы с танками. 26 октября эти войска были усилены 1-м парашютно-десантным батальоном, занявшим позиции в районе Дунахарасти и Шорокшар на рубеже «Аттила» с задачей отрезать дороги на Кечкемет и Шольт. Кроме того, в период с конца октября по середину ноября оборонявшиеся получили в качестве усиления 1, 10, 13, 16, 24 и 25-й дивизионы штурмовой артиллерии, две батареи 7-го дивизиона штурмовой артиллерии, примерно 25 танков различных типов, 2 тысячи солдат и 1-й полицейский полк СС. Артиллерийские дивизионы были направлены в наименее угрожаемые районы близ Ракошчаба, Эчера и Пецеля. Полицейские войска СС, выполнявшие роль резерва, были развернуты в пригороде Кишпешт. В самом Будапеште были оставлены 9-й батальон (личная охрана Салаши) и охранный батальон «Будапешт». К ним присоединились 201, 202, 203-й специальные технические батальоны, учащиеся офицерской военной школы города Варпалота, а также три жандармских батальона. Несколько позже в венгерскую столицу вернули прошедшую переформирование и пополнение 12-ю дивизию резерва. Приблизительно в 70 км к югу от Будапешта позиции на передовой заняли 1-я танковая, 23-я и 8-я дивизии из резерва, а также потрепанные части 1-й гусарской дивизии, всего около 20 тысяч солдат и офицеров.

Развернутые в Будапеште части и подразделения, малочисленные, недостаточно подготовленные и оснащенные, не могли представлять собой серьезную силу даже в обороне. 27 октября 1944 г. Фриснер, который понимал, что взятие столицы является ближайшей задачей советского наступления, обратился с письменным рапортом к Гудериану, требуя дополнительных сил. В течение ближайших недель ему пришлось безуспешно повторить эту просьбу несколько раз.

2 ноября советские подвижные части вышли к населенным пунктам Дунахарасти, Альшонемеди, Оча и Иллё, южнее и юго-восточнее Будапешта, и приблизились к городу на расстояние 15 км. В своих воспоминаниях Коваловски так описывает впечатления горожан от впервые услышанной ими канонады: «Даже в коротких перерывах между боями я все равно слышу канонаду. Могут ли так часто стрелять по случайно прорвавшимся вражеским машинам? В итоге я прихожу к выводу, что это не залпы зенитной артиллерии. Неужели фронт настолько близко подступил к нам?.. После короткого обеденного перерыва затихли сирены, но я все равно слышу шум разрывов снарядов. Теперь становится очевидным, что это не зенитные пушки, а тяжелая артиллерия. Судя по всему, на юго-востоке от города идет ожесточенное сражение... Фронт добрался и до нас. Как долго это будет продолжаться? Сможем ли мы это выдержать?»

Двое венгерских парашютистов, участников тех событий, вспоминают о том, как первые советские танки появились на расстоянии примерно 10 км от границ города:

«Во второй половине дня 2 ноября со стороны противотанковой батареи можно было слышать сильную артиллерийскую стрельбу. Вскоре повозки, запряженные лошадьми, стали беспорядочно отходить со стороны Кечкемета. Они забили все дороги между Шорокшаром и линией обороны... Как только мы освободили проезжую часть, из расположения батареи прибыло несколько солдат, которые сообщили, что их позиции штурмуют русские танки.

Пять головных Т-34 очень быстро достигли моста, переброшенного через противотанковый ров... Было темно, но мы отчетливо видели, как вслед за танками в ров скатывается русская пехота. У нас был приказ не открывать огня по пехоте, пока не подобьют танки. Танки шли уступом, прикрывая друг друга, но перед мостом они ненадолго остановились. В этот момент

открыли огонь замаскированные в акациевой роще зенитные орудия. Их поддержали солдаты, которые из-за моста открыли стрельбу из противотанковых гранатометов. Одновременно с этим открыла плотный огонь пехота, который заставил пехоту, сопровождавшую советские танки, залечь на землю. В результате столь неожиданного обстрела все пять танков были подбиты».

После наступления темноты на наскоро оборудованные позиции венгерских парашютистов обрушилось до двадцати танков.

«Беспорядочный бой бушевал несколько часов. Многие танки подорвались на минах или были подбиты из противотанковых орудий. Они откатились назад. Под Шорокшаром нескольким танкам удалось прорвать линию обороны, но советская пехота не поспела за ними. Она завязла на левом фланге, и в результате танки отступили назад... Атака, предпринятая под Дунахарасты, захлебнулась после многочасового обстрела с близкого расстояния. Фронт был удержан, а несколько советских танков подбито».

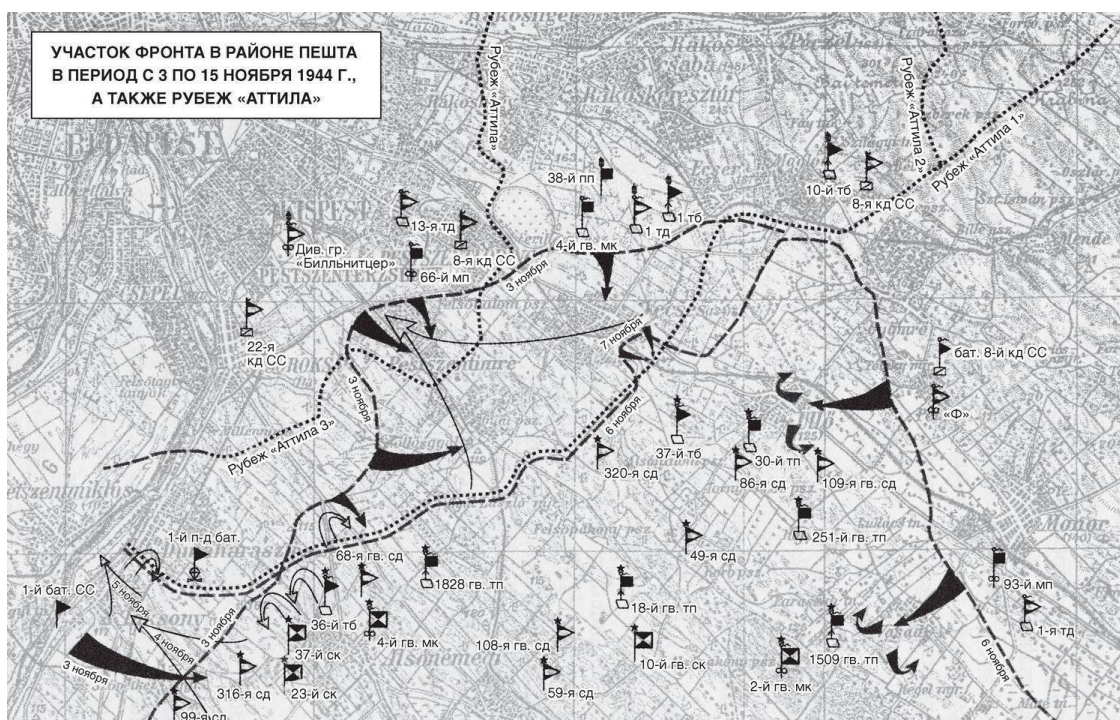
3 ноября советскому 4-му гвардейскому механизированному корпусу удалось прорвать оборону на участке 22-й кавалерийской дивизии СС и подойти на расстояние 6 км от Шорокшара, однако группа парашютистов под командованием майора Эдмера Ташшоньи все же сумела восстановить положение и вернуть потерянные позиции. Части советского 2-го механизированного корпуса овладели населенными пунктами Монор, Иллё, Вечеш, Дьяль и Пештсентимре, где оборону пытался организовать отряд венгерской полиции. В распоряжении венгров оказалось лишь пять итальянских танков типа «Ансальдо», три из которых были сразу же подбиты. После этого первый советский танк ворвался на улицы Иллё и вышел на одну из главных транспортных артерий, ведущих в Будапешт. Тем временем другие танковые подразделения устремились в сторону аэропорта Ферихедь, откуда до центра города оставалось 16 км. Позднее войска 8-й кавалерийской дивизии СС и венгерской 12-й пехотной дивизии сумели отбить обратно Вечеш и Монор. Затем часть Вечеша снова была захвачена советской стороной, но и ее удалось отбить 4 ноября.

Наступление советских танков закончилось 5 ноября. Многие из них были подбиты, большое количество пехоты полегло позади уничтоженных машин, стала ощущаться нехватка боеприпасов и топлива. Кроме того, передовые наступающие части оказались под угрозой окружения частями 1-й и 3-й немецких танковых дивизий. 8 ноября 1944 г. частям 22-й кавалерийской дивизии СС удалось вытеснить передовые наступающие советские войска на участках вклинения по рубежу «Аттила». После того как с переднего края были отведены советские танковые части, атаки были продолжены силами пехотных рот и батальонов, которым удалось вклиниться в оборону на участках, занятых необученными солдатами немецкой дивизии. Однако с помощью венгерских парашютистов все такие прорывы были вовремя ликвидированы, а их участники – уничтожены. Во время наступления обороняющиеся успели подтянуть на венгерскую равнину примерно 13 тысяч человек пехоты, 100 танков и штурмовых орудий и 150 орудий обычной артиллерии (в советских источниках три танковых и одну моторизованную дивизии. – *Ред.*) (табл. 3, с. 425).

ПРОДОЛЖЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ СИЛАМИ 2-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА

Из мемуаров генерал-полковника Штеменко, бывшего в то время первым заместителем начальника Генерального штаба Красной армии, становится ясным, как в Генштабе прореагировали на приостановление наступления 46-й армии. Поскольку никто не осмелился бы отменить приказ Сталина или как-то изменить его, единственным решением было расширить фронт наступления и попытаться захватить Будапешт путем охвата с двух сторон, отказавшись от фронтальных ударов. 6-я гвардейская танковая армия и 7-я армия получили задачу прорвать оборону противника в районе Хатвана с востока и выйти к Дунаю севернее Будапешта в районе Ваца. Войска 46-й армии должны были форсировать Дунай в районе Шорокшара, захватить остров Чепель, продолжить переправу через Старый Дунай и атаковать столицу с юго-западного направления, из района города Эрд. 5 ноября советская сторона прекратила фронтальное наступление юго-восточнее Будапешта, для того чтобы перегруппировать свои войска и подготовить их к операции по охвату города. Это означало, что отныне стратегическое командование переходит в руки военных профессионалов.

В то же время в начале ноября Главное командование сухопутных войск Германии развернуло три танковых корпуса таким образом, чтобы они блокировали подступы к Будапешту. III танковый корпус под командованием генерала Брейта должен был заниматься непосредственной обороной венгерской столицы, в то время как IV танковый корпус должен был направиться в район Ясбереня, LVII танковый корпус – в район Цегледа и Сольнока. Два этих танковых корпуса должны были нанести контрудары по наступающему противнику. После того как советские войска форсировали Тису, 7-я гвардейская армия на левом крыле наступающего 2-го Украинского фронта, а также 53, 27, 40-я армии и конно-механизированная группа Плиева были остановлены в ходе развития наступления на север немецкими и венгерскими частями. Подвижные войска Малиновского снова понесли тяжелые потери. По данным немецкого командования, в период с 31 октября по 12 ноября было уничтожено 132 советских танка.

Начиная с 8 ноября 7-я гвардейская армия и конно-механизированная группа Плиева возобновили наступление на Ишасег и Хатван. Здесь, на востоке и северо-востоке от Будапешта, участок примерно 50 км фронта обороняли лишь несколько венгерских батальонов и подразделения немецких 13-й танковой, 4-й и 18-й моторизованных дивизий СС и 46-й пехотной дивизии. Деморализованные непрекращавшимися атаками русских, многие солдаты моторизованных дивизий СС, которые были мобилизованы силой, сдались в плен или рассеялись. Состояние этих войск характеризуется следующим донесением: «18-я моторизованная дивизия СС... набрана из этнических немцев, проживающих в Венгрии. Они перебегают к противнику, и боевая ценность этой дивизии аналогична венгерской дивизии... Общая численность составляет 18 тысяч человек, при этом на 18 солдат приходится одна винтовка».

Неудивительно, что неподготовленных и плохо экипированных солдат СС охватила паника. Им оставалось лишь наблюдать, как их товарищей давят танки Т-34, прежде чем они успевают найти укрытие. Тем не менее командование группы армий «Юг» обвинило в случившемся именно их. В донесении, адресованном Гудериану, Фриснер пишет: «В 4-й полицейской моторизованной дивизии СС командиры некоторых подразделений предпочли застрелиться из-за бегства своих солдат. 18-я моторизованная дивизия СС полностью разгромлена».

Венгерская 12-я дивизия резерва, в составе которой было примерно 2 тысячи солдат и офицеров и 20 орудий и которая все еще находилась в процессе формирования, в начале ноября получила боевую задачу прикрыть подходы к Будапешту по рубежу между Печелем, Ишасегом и чуть южнее, в районе городка Дань. Когда командование поняло, что этих сил было явно недостаточно, сюда же 13 ноября был переброшен 1-й парашютно-десантный батальон под командованием майора Эдмера Ташшоньи. Вплоть до прибытия 15 ноября 600 солдат подкрепления парашютисты при хорошо организованной артиллерийской поддержке самостоятельно удерживали участок обороны длиной от 5 до 6 км, отбив ряд ожесточенных атак советских войск. Как-то в результате очередной бешеной атаки советские пехотинцы вышли к венгерским позициям. Ташшоньи вспоминает:

«Я повернулся к немецкому артиллерийскому корректировщику:

– Огонь на поражение в сектор «А», немедленно!

– Но это же ваши позиции.

– Не важно, скорее!

Я посмотрел на часы. Спустя 17 секунд наши позиции и район перед ними находились под огнем 52 артиллерийских стволов, который постепенно затихал и через несколько минут стал совсем редким. Этот вал пришелся прямо по русской пехоте, находившейся на дистанции прямого броска. Когда я отправился (точнее, поскакал прыжками) туда после того, как атака была отражена, парашютисты рассказали мне, что они понимали, что огонь ведет наша артиллерия и что ничего нельзя с этим поделать. Когда огонь несколько ослаб, некоторые выглядели из окопов и видели, как тела русских разлетаются в воздухе, а остальные солдаты противника в панике пытаются окапываться. Чудесным образом в нашей роте в результате того смертельного артиллерийского удара было всего семь человек убитых и несколько раненых. Нескольких солдат засыпало землей, но они сумели благополучно выбраться».

Ташшоньи был награжден Железным крестом первого и второго класса; он и его парашютисты были отмечены благодарностью в приказе по немецкому вермахту. Тем не менее бои продолжались до 22 ноября, и во время их подразделение потеряло до 40 процентов своего состава.

Несмотря на то что советские войска форсировали Тису на многих участках, им не удалось воспрепятствовать тому, что немецкая сторона стабилизировала фронт, создав непрерывный передний край путем постоянного проведения перегруппировки оставшихся сил и нанесения непрекращающихся ударов по наступающему противнику. Потери советской стороны

были ощутимыми, однако к концу месяца немецкие танковые дивизии также понесли существенный урон. «В батальонах оставалось по 100–200 солдат. На каждые 100 м фронта приходилось в среднем 3,5 человека... В танковых частях оставалось в лучшем случае по восемь танков, а в худшем – по четыре или пять», – писал Фриснер в своих мемуарах. К середине ноября развернутые северо-восточнее Будапешта немецкие части отступили к рубежу «Кароль», и в этом секторе фронт тоже стабилизировался.

Сталин наконец понял, что сил одного только 2-го Украинского фронта было недостаточно для захвата Будапешта. По его приказу 14 ноября в распоряжение Малиновского были переданы 200 танков и 40 тысяч солдат из резерва ВГК, а также из 4-го Украинского фронта, «застрявшего» в Карпатах. Бронетанковую технику, количество которой теперь далеко превосходило всю имевшуюся в составе немецких соединений, командующий фронтом направил в 6-ю гвардейскую танковую армию, получившую задание совместно с 7-й армией окружить Будапешт с севера (как предполагалось первоначальным замыслом). Однако советские войска не сумели прорвать оборону противника на этом направлении.

Попытки 46-й армии переправиться через Дунай и высадиться южнее города на острове Чепель оказались более успешными. 6 ноября такая же попытка силами одного батальона 23-го стрелкового корпуса была остановлена венгерскими гусарами и срочно переброшенным сюда из-под Дебрецена подразделением штурмовой артиллерии (причиной переброски послужило обнаружение советского корректировщика артиллерийского огня, который скрывался на церковной колокольне в юго-восточной части острова). Лейтенант венгерской артиллерии Джорджи Тюроти вспоминал:

«Солдаты советского стрелкового батальона накапливались на мелководье, почти у самого берега Старого Дуная. Десантировавшись, они прятались в ивняке и березовой роще. Тот, кто не успел спрятаться, был пленен нами. Почти им всем было за 40 лет, почти все с большими усами и простодушным видом. Наши солдаты любезно предложили пленникам ром и дружелюбно похлопывали их по спине... Подобная дружелюбность смогла выманить из убежищ еще нескольких русских. Некоторые несли в руках импровизированные распятия из прутьев... Там был советский раненый, по-моему сержант с белым как мел лицом. Я прекрасно помню его твердый, окаменевший взгляд и суровое лицо, которое не реагировало ни на какие дружеские жесты, рот, кривившийся от боли. Он принял от нас медицинскую помощь, но так и не притронулся к предложенному ему рому. Без слов он покачал головой, отказываясь от выпивки. Пленники просили не передавать их в руки немцев. Но венгерская армия не могла иметь пленных».

Атаки советских войск, пытавшихся переправиться через реку 14, 15, 16 и 18 ноября, были отбиты, но 21 ноября они высадились на остров Чепель силами до дивизии. Командир полуроты венгерского 4-го гусарского полка Тибор Генч пишет в своих воспоминаниях:

«На рассвете следующего дня противником вновь была предпринята попытка форсирования рукава Дуная (Рацкеви – (Шорокшари) – Дуна). Как резервная рота, мы оказались размещены в одной из школ Тёкёля. Офицеры полка спали праведным сном. Те, кто оказался на передовой, майор Мессарош со своими людьми и другие подразделения, не оказали ни малейшего сопротивления. Войска противника, возможно, это были штрафные роты, успевшие изрядно хлебнуть «штурмовой воды», подошли к железнодорожной ветке на окраине поселка, где стоял я и мои люди. Они подходили большими плотными группами, поэтому иногда одной пулей можно было пробить два или даже три тела. Несколько раз мы перезаряжали оружие. В какой-то момент они рассеялись и попытались зайти нам в тыл, обойдя поселок... Тогда нас вытеснили из поселка, а на следующий день была контратака при поддержке немецких танков. На этот раз войска противника успели грамотно окопаться; они сопротивлялись грамотно и серьезно. Они хорошо маскировались в окопах, но мы находили их и убивали

выстрелами в шею и в голову. Однако при помощи наших слабых сил полностью очистить Тёкёл было невозможно».

Обеспокоенное угрозой с южного направления, командование группы армий «Юг» нацелило на остров Чепель 2-й венгерский парашютно-десантный батальон, батальон кадет офицерского училища, боевую группу дивизии «Фельдхернхалле», два отдельных батальона, а также 1-й и 9-й артиллерийские дивизионы. Но этих сил оказалось явно недостаточно для того, чтобы сдержать наступление советского 23-го стрелкового корпуса, который 25 ноября завершил высадку на острове Чепель и соединился с войсками 37-го стрелкового корпуса. Несколько поселков при этом переходили из рук в руки, пока наконец линия фронта не стабилизировалась между Лакихедью и Кирайердё по южной окраине столицы. Советские части продолжали наступать, пока не оказались в пределах доступности огня венгерской артиллерии, которую поддерживали речные катера. 103 венгерских орудия теперь имели возможность обстреливать советские части не только с территории острова Чепель, но и из Шорокшара на востоке, и даже с противоположного берега Дуная на западе. Тем не менее бои продолжались, и, как вспоминает призванный из резерва лейтенант гусарского полка, «к вечеру наши позиции атаковали так называемые русские штрафные батальоны, составленные из политических заключенных (штрафные батальоны набирались по другим критериям – за проступки, совершенные на фронте. – *Ред.*). Их ожидал ураганный огонь. Совместные залпы пулеметов, минометов, закопанных в землю танков, даже скоростных речных катеров посылали в них пули и снаряды... Атака вскоре захлебнулась. Русские понесли огромные потери. Перед нашими позициями остались лежать сотни умирающих и раненых. Мы слышали, как русские зовут бога: «Господи!», громко стонут и зовут на помощь. Все эти звуки становились все слабее. Наши санитары хотели помочь им, но каждая попытка заканчивалась пулеметным огнем с противоположной стороны. Этих людей просто бросили умирать. Мы не могли помочь им. На следующий день мы уже не слышали стонов».

Общую картину потерь [венгров] может проиллюстрировать тот факт, что прибывший 28–29 ноября на этот участок из резерва 2-й парашютно-десантный батальон (примерно 1400 человек) по численности был почти равен дивизии гусар, которая к тому времени все еще вела бои в районе острова Чепель.

ВТОРОЕ СОВЕТСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА БУДАПЕШТ: ЭРЧИ И ХАТВАН

Сталин и советский Генеральный штаб были недовольны медленным продвижением 2-го Украинского фронта Малиновского, самого мощного на тот момент из всех советских фронтов. (Самым мощным во второй половине 1944 г. и в 1945 г. был 1-й Белорусский фронт, более чем на 300 тыс. по численности войск, а также намного по боевой технике превышавший 2-й Украинский фронт (к началу Будапештской операции насчитывавший 712 тыс. человек). 1-й Украинский фронт также был сильнее 2-го Украинского, лишь немного уступая 1-му Белорусскому (также свыше 1 млн солдат и офицеров). – *Ред.*) Обстановка на развернутом севернее 4-м Украинском фронте была еще хуже: с августа 1944 г. его войскам удалось продвинуться вперед всего на 200 км. Они прочно застряли в Карпатах. Для выяснения обстановки на этот участок был направлен представитель советского Верховного командования маршал С.К. Тимошенко. В обсуждении обстановки участвовал и командующий действовавшим в Сербии 3-м Украинским фронтом маршал Толбухин, хотя он и не был посвящен в детали плана по овладению Будапештом. Но теперь его роль в Венгрии резко выросла, так как 2-му Украинскому фронту не удалось добиться здесь успеха, а также в связи с невозможностью по политическим соображениям дальнейшего наступления на Балканах. Кроме того, Сталин всегда поощрял своих подчиненных к открытой конкуренции между собой. 24 ноября был получен доклад Тимошенко:

«2-й Украинский фронт является одним из сильнейших фронтов. Он обладает огромным потенциалом, позволяющим разгромить обороняющегося врага. Но, несмотря на это, в последнее время он не смог записать на свой счет никаких значительных успехов. По моему мнению, главные причины безуспешности предпринятых действий кроются в следующем:

1. Полагаясь на относительный перевес в силах, командование пытается одновременно разгромить вражеские группировки на нескольких направлениях (Мишкольц, Эгер, Хатван).

2. Это ведет к распылению сил, в результате чего наши части не могут противопоставить врагу реальный перевес в силе. Например, самая крупная группировка фронта (27-я, 53-я армии и 7-я гвардейская армия), включающая в себя 24 стрелковые дивизии, 3 механизированных и 1 танковый корпус, а также 2 кавалерийских корпуса, действует на нескольких направлениях:

а) на Мишкольцком направлении, на участке фронта шириной 50 км – 27-я армия в составе 8 стрелковых дивизий;

б) на Эгерском направлении, на участке фронта в 45 км – 53-я армия в составе 7 стрелковых дивизий;

в) близ Хатвана действует 7-я гвардейская армия в составе 9 стрелковых дивизий. На том же самом участке развернуты 3 механизированных корпуса, 2 кавалерийских корпуса и 1 танковый корпус.

Таким образом, пехотные части равномерно распределяются по направлениям и между соответствующими армиями. Определенный перевес наблюдается лишь у 7-й гвардейской армии, которой приданы части группы Плиева, 2-го и 4-го механизированных корпусов. Но после продолжительных боев против превосходящих сил противника как группа Плиева, так и механизированные корпуса находятся в ослабленном состоянии...

3. Командование частей, а также штабы частей в некоторой мере избалованы событиями в Румынии и Трансильвании, вследствие чего сотрудничество между отдельными родами войск не организуется с надлежащей тщательностью.

На основе вышеизложенного считаю целесообразным потребовать от командующего 2-м Украинским фронтом следующего:

I. Он должен пересмотреть все свои предыдущие решения и сформировать воинские группировки, которые бы, обладая абсолютным перевесом, нанесли удар по врагу на двух направлениях:

а. В качестве основного направления – Хатван и Балашпатьярмат.

б. В качестве второстепенного направления – Мишкольц».

Советская сторона делала все возможное для того, чтобы обеспечить успех наступления. В направлении на Хатван советские стрелковые и танковые части превосходили противника примерно в девять раз, а превосходство в артиллерии было примерно восьмикратным. Прежде, в районе Карпат советские войска имели примерно четырехкратное превосходство над противостоявшими им венгерской и немецкой группировкой (см. табл. 4 и 5). Общее количество войск, действовавших в районе Будапешта в период с 5 ноября по 24 декабря, достигло у немцев и венгров 7 дивизий (примерно 60 тыс. солдат и офицеров), а с советской и румынской стороны – 12 дивизий (около 110 тыс. солдат и офицеров).

Уже в середине октября 3-й Украинский фронт под командованием Толбухина получил приказ Ставки Верховного Главнокомандования после захвата Белграда прекратить наступление и начать подготовку к ведению наступательной операции на территории Венгрии. Целью наступления было получить доступ к Трансдунайскому месторождению алюминия и нефтепромыслам, после чего фронт должен был продолжить движение в направлении на Вену и при необходимости – на Будапешт. С учетом этого 18 октября в состав 3-го Украинского фронта была передана развернутая в Галиции 4-я гвардейская армия. 9 ноября войска фронта Толбухина создали плацдарм в районе Кишкёсёга на Дунае, который продолжали расширять. 12 ноября Малиновский получил приказ передать 3-му Украинскому фронту 31-й гвардейский стрелковый корпус, а 27 ноября, через три дня после получения доклада Тимошенко, ему пришлось тем же образом расстаться и с 5-м кавалерийским корпусом. Таким образом, по мере того как линия фронта ниже по течению Дуная постепенно смещалась на запад, советские войска получали возможность подойти к Будапешту и с юго-запада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.